

жиссера и актеров. Театр был волен выбирать или не выбирать «Забавный случай» для постановки, но если он все-таки остановился на этой пьесе, то тут уже никаких скидок на «легкость жанра» и на солидный стаж, прошедший со дня премьеры, быть не должно.

Кстати сказать, актер, старающийся смешить во что бы то ни стало, неизбежно переходит ту грань, когда он уже перестает быть даже просто смешным, и вызывает у зрителя обратную реакцию—недоумение и раздражение. Так именно и получилось с П. Кирсановым, исполняющим в спектакле «Забавный случай» роль Филиберта.

Его игра (если это можно называть игрой) оставляет тягостное впечатление. Становится просто по-человечески обидно за артиста, так бездумно и бесцельно растрачивающего свое несомненное комедийное дарование. Чувство меры для него, видимо, — понятие абсолютно несуществующее. Оно, это чувство, заключается, конечно, не в том, чтобы вместо одного раза ударить себя по лысине мокрым полотенцем десять раз (как это делает П. Кирсанов), и не в том, чтобы выкрикнуть «дура» только однажды, а не повторять это чуть ли не ежеминутно (как это опять-таки делает П. Кирсанов). Чувство меры—это прежде всего вопрос художественного вкуса. Но вот вкус-то этот у П. Кирсанова, видимо, совершенно притупился.

Я видел П. Кирсанова в трех ролях, и в каждой из них, хотя это роли совершенно разного плана (Филиберт в «Забавном случае», прокурор Неклюдов в «Семье» и комиссар округа в «Незабываемом 1919-м»), он повторяет самого себя, повторяет даже в мелочах, в деталях: в интонации, жестах, походке. У актера выработался не только штамп, но, я бы сказал, некий условный рефлекс. Идет сцена в кабинете директора департамента полиции Дурново («Семья»), царские сатрапы сговариваются о подлом поступке: как бы уговорить Марию Александровну Ульянову стать доносчиком на своих детей. И вдруг в зале раздается смех. Человек в театре новый сразу и не поймет, в чем дело. Но сидящий рядом со мной старожил города поясняет: оказывается, П. Кирсанов — Неклюдов сделал какой-то эдакий поворот на каблучках, вызвав у зрителей, которым хорошо знакома эта его манера, невольный смех. И сразу снимается напряженность сцены, пропадают впустую старания партнеров Кирсанова.

Могут сказать, что каждого актера характеризует его собственная творческая манера, свой, так сказать, почерк.

Но ведь манера — это не штамп, и почерк — не раз навсегда определившаяся, неизменяемая маска. У другого старейшего актера Пензенского театра Н. Морозова тоже есть своя исполнительская манера, но в каждой своей новой работе он не дублирует самого себя, он неузнаваем. Все другое: походка, жесты, движения, выражение лица, даже голос. Будь это английский разведчик Эгар («Незабываемый 1919-й»), или царский генерал Дурново («Семья»), или тупой бюрократ Башлыков («Рассвет над Москвой») — это всегда именно Эгар, именно Дурново, именно Башлыков, но не актер Морозов.

Когда я сказал Ю. Мизецкому свое мнение о спектакле «Забавный случай», он заметил:

— Дело тут вовсе не в том, что спектакль разболтался потому, что это комедия, или потому, что он «сильно заигран». «Разбалтываются», как правило, только те спектакли, которые плохо поставлены.

Эти справедливые слова было, признаюсь, странно слышать из уст главного режиссера. Спектакль был плохо поставлен? Но почему же главный режиссер позволил выпустить его? Почему, наконец, позже он